

УДК 821.161.1

## Пространственно-временная модель концепта «война» в «кавказской» прозе В. С. Маканина

**Волкова Виктория Борисовна**

Кандидат филологических наук,  
доцент кафедры культурологии и русского языка,  
Магнитогорский государственный  
технический университет им. Г.И. Носова,  
455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38;  
e-mail: VBL2004@bk.ru

### Аннотация

В данной статье рассматривается концепт «Война» и приёмы его моделирования в художественном дискурсе. Данный концепт, включающий в себя вариативные компоненты, имеет пространственные и темпоральные характеристики, позволяющие конструировать горизонтальную и вертикальную модель концепта. Образной составляющей концепта «война» становятся визуально-аудиальные мотивы. Материалом исследования являются рассказ «Кавказский пленный» и роман «Асан» В.С. Маканина.

### Ключевые слова

«Кавказская» проза В.С. Маканина, концепт «война», моделирование концепта.

### Введение

Для «кавказской» прозы В. С. Маканина организующим центром авторского сознания является концепт

«война». Данный концепт антиномичен: с одной стороны, война является трагедией, поскольку в её основе – разрушение, с другой – война позволяет человеку демонстрировать лучшие

качества характера, такие как сострадание, милосердие, взаимовыручка, мужество. Базовый концепт «война» представляет собой сложную модель семантико-ассоциативной структуры в связи с трагическим видением войны самим автором.

### **«Война» как хронотоп**

Специфика изображаемой Маканиным войны состоит в том, что границы между «своим» и «чужим» размываются: Рубахин сближается со взятым им в плен чеченским юношей, увидев в нём человека («Кавказский пленный»)<sup>1</sup>, Жилин продаёт бензин и своим, и чужим, деловым партнёром его является чеченец Руслан («Асан»). В «военной» прозе Маканина есть одна показательная черта – наличие рефлектирующего героя: и солдат Рубахин, и интендант Жилин рассуждают о войне, философски осмысливают её. Это позволяет критикам упрекать Маканина в недостоверности, поскольку в традиционной классической «военной» прозе нет такого типа героя, который мог бы объективно смотреть на происходящее и давать такие оценки, которые требуют отстранённости, ав-

торской вменяемости и исторической дистанции.

Концепт «война» включает в свою семантику вариативные компоненты, отражающие негативные различные стороны реального видения войны<sup>2</sup>, взаимодействие которых друг с другом отражает динамику темы трагического в творчестве Маканина. Данный концепт может быть описан как пространственно-временное единство, то есть хронотоп войны:

1) пространственная модель концепта «война» основана на пространственных оппозициях «верх – низ», «внутренний – внешний» и соответствует русской модели мира с ее многомерной структурой<sup>3</sup>;

2) концептуальное пространство прозаического дискурса обнаруживает специфические черты, обусловленные ландшафтом и характером той или иной войны<sup>4</sup>, от чего за-

1 Маканин В.С. Кавказский пленный. – М.: Эксмо, 2009. – С. 27-28..

2 Головань О.В. Семантико-ассоциативная структура концепта «война» (на материале произведений Р. Олдингтона и В.М. Гаршина). Дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – С. 23.

3 Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира. Дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – С. 52.

4 Буракова О.М. Особенности изучения семантического поля «Война» // VIII Международная научно-практическая конференция «Личность-слово-

висит доминирование вертикальной или горизонтальной структуры;

3) образная составляющая концепта «война» может быть описана как совокупность визуально-аудиальных мотивов;

4) темпоральная модель концепта «война» представляет собой циклическую модель времени, реализующуюся как смешение времен.

### **Динамика оппозиций в реализации концепта «война»**

Моделирование концепта «война» начинается в экспозиции романа «Асан». Маканин мастерски конструирует художественное пространство: прибыв в Грозный и выйдя из тесных вагонов, новобранцы остро ощущают открытое пространство. Маканин использует столь любимые кинематографические эффекты: быстро отъезжающий поезд как бы освобождает пространство, и новобранцы видят себя со стороны, замечают, что их много. Эта сцена чётко смонтирована: ближний кадр внутри вагона – панорама всей платформы. Одурманенные алкоголем и воздухом, новобранцы ведут себя дерзко, видя полуразру-

шенный вокзал и подсознательно понимая, что в любой момент они могут быть убиты. Они рвутся в бой прежде, чем их развезёт от жары. Пространство опять локализуется, когда новобранцев размещают по грузовикам. Захват чеченцами колонны в экспозиции отсылает к «Кавказскому пленному», а далее к Толстому, где Жилин и Костылин попадают в руки татарам именно на дороге.

Концепт «война» в начале романа моделируется по горизонтали: поезд – платформа – дорога. Но в пространственную модель концепта входит и темпоральная характеристика. Показательна сцена, когда майор Жилин на реплику Руслана о возможной смерти пьяных солдат от руки чеченцев философски замечает: «Война, Руслан»<sup>5</sup>. Не первый год, как и Рубахин, находясь на Кавказе, майор Жилин воспринимает смерть, столь тесно связанную с войной, как некую отсрочку во времени, поэтому нет в нём жалости к этой «абстрактной» толпе пригнанных в Чечню солдат, ведь рано или поздно кто-то из них на этой войне погибнет, а возможно, и все – оба приехавших взвода. Быть убитым на войне или нет – это только вопрос времени.

---

социум»: сб. докладов. – Минск, 2008. – С. 149.

---

5 Маканин В.С. Асан. – М.: Эксмо, 2008. – С. 16.

Вертикальная модель концепта «война» возникает в эпизоде переговоров Жилина с полевым командиром Маурбеком. В пассивный слой концепта входит признак «деньги», когда чеченец назначает выкуп за колонну и требует от Жилина позвонить в штаб. В иерархических отношениях Жилина со штабными офицерами остро чувствуется их неприязнь к майору, который, по их мнению, ловко умеет извлекать пользу (а в контексте – деньги) из всего. Отвечающий вышестоящим той же неприязнью Жилин доверяет только личным отношениям с полковником авиации Васильком, со штабным офицером Колей Гусарцевым. Именно Василёк сыграет важную роль в переговорах, благодаря которым русская колонна с новобранцами будет пропущена. Иерархическая составляющая моделирует вертикаль концепта «война». Объяснимо недоумение полевого командира, когда он узнаёт, что штаб не сделает ничего, чтобы освободить пьяных солдат: «Что у вас за война! Должен же кто-то из ваших штабных ответить за этот пьяный бардак и разгуляй! (А никто не ответит... Если я позвоню... Штабные пошлют майора Жилина на.)»<sup>6</sup>.

6 Там же. – С. 25.

Визуально-аудиальные мотивы крайне значимы в тех сценах, в которых Жилин мыслит пространственными категориями: пьяные, лежащие на опилках в грузовике солдаты, потенциальное «пушечное мясо» («Но взгляни честно. Они приехали убивать. Убивать и быть убитыми... Война»<sup>7</sup>) – это горизонталь; твёрдо стоящий на ногах вплотную к полковому командиру, не выражающий страха Жилин – это вертикаль, неожиданной составляющей которой является «безмятежно высокая трава», на которую смотрит майор. На мгновение в его воображении возникает картинка с убитыми солдатами, лежащими в этой траве. Жалость к ним майор вытесняет жалостью к себе, воображением вызывая ретроспекцию о том, когда сам оказался на краю гибели.

Аксиологическая модель концепта «война» в романе «Асан» формируется на «вариациях-повторах». Война обрастает образными определениями, значение которых выявляется в контексте: «гнусная штука эта война»<sup>8</sup>, «горная война», «война – дело заводное»<sup>9</sup>, «Война – чувстви-

7 Там же. – С. 26.

8 Там же. – С. 38.

9 Там же. – С. 51.

тельная штука»<sup>10</sup>, «вялая, тихая война может стать войной сумасшедшей»<sup>11</sup>, «война – дело весёлое»<sup>12</sup>, «Дуда – это война»<sup>13</sup>, «война сама по себе абсурдна»<sup>14</sup>, «тихо тлевшая война вспыхнула наново»<sup>15</sup> и т.д.

В торге Маурбек называет войну «гнусной штукой», но в эту реплику он вкладывает не этический смысл, а коммерческий. Осознав, что остаётся без денег и бензина, что сделка его, которая, казалось, обязательно состоится, расстроилась, Маурбек выражает сожаление о потерянных им пяти тысячах долларов. Полевой командир хотя и не чеченец, но боевик, поэтому война для него естественна, она составляет часть его ментальности, является самооценностью. Маурбек мог бы высказаться словами другого героя, Коли Гусарцева: «Война – дело заводное». Штабной офицер предлагает Жилину сделку с оружием.

Образная составляющая концепта «война» моделируется с помощью визуально-аудиальных мотивов. Диалог Маурбека и Жилина обрам-

лён размышлениями Жилина о красоте. Само слово как бы намеренно устраняется Маканиным из повествования, но Жилин действительно попадает «под гипноз хорошо знакомой дороги»<sup>16</sup>. Романый персонаж словно продолжает рассуждения о сущности красоты Рубахина, героя маканинской повести<sup>17</sup>. Происходит смешение времён: воспоминания о прошлом накладываются на впечатления настоящего. Концепт «война» хронотопически моделируется в этой сцене: горизонталь составляет дорога, связанная с разговором о продаже оружия, а значит, о риске и возможной смерти, вертикаль – «облака, лес, речка». Жилин будто спускается с небес на землю, фокусируя внимание на речке, которая вызывает щемящее чувство, обращая его к мирному прошлому.

Сама кавказская речка не вызывает эстетического удовольствия, потому что является «чужой», т.е. расположенной на территории врага, но именно она провоцирует ретроспекцию о доме на берегу красивой русской неназываемой реки, где жена и дочь, где есть будущее. Вертикаль в таком контексте вновь обретает темпораль-

10 Там же. – С. 160.

11 Там же. – С. 181.

12 Там же. – С. 196.

13 Там же. – С. 227.

14 Там же. – С. 258.

15 Там же. – С. 262.

16 Там же. – С. 51.

17 Маканин В.С. Кавказский пленный. – М.: Эксмо, 2009. – С. 3.

ную характеристику – символическое значение жизни (мотив тишины), в то время как горизонталь – значение смерти (мотив шума, паники, суеты). Закономерно, что на дороге при въезде в Грозный Гусарцев предлагает Жилину нагнуться, принять горизонтальное положение, чтобы избежать пули снайпера.

Не позволяя чувствам пробиваться, Жилин в условиях войны допускает только дружбу. Но именно друг Костыев предаёт его дважды, причём предательство совпадает с началом каждой из двух чеченских кампаний. Накануне первого бегства Костыев предупреждает Жилина: «Дуда – это война», отождествляя образ Джохара Дудаева со смертью. Но именно Дудаев научил Жилина выживать на войне. Дудаев, зная Костыева, рассказывает майору притчу о коне и волке. «Свой» и «чужой» сближаются в одном интертекстуальном поле. Дудаев притчей характеризует предательство Костыева, но знаменитой пушкинской притчей об орле и вороне, рассказанной Пугачёвым Петру Гринёву, можно охарактеризовать самого Дудаева, ведь он тоже посягнул на имперские интересы. Маканин моделирует очередную вертикаль концепта «война», на вершине которой Дудаев, а внизу

Жилин. Так пространственно воспринимает происходящее сам герой до того момента, пока Дудаев не покидает его склады. Но вертикаль переворачивается, когда Жилин набирает номер подполковника Василька, при мимолётном разговоре ему оставленный. Потерявший первую колонну и чудом оставшийся жить Дудаев впервые с уважением смотрит на майора Жилина, всё же не веря, что разгром колонны мог произойти по воле складского, а не военного. Но в самом факте задабривания деньгами, торга с жалким майором, которого он не убил только из-за «журавлиных домов», скрыт показатель иных, вертикальных отношений.

Контрапунктом в отношениях «свой» и «чужой» становится дружба. Это единственное чувство, которое Жилин допускает на войне, остальные старается подавлять, называя «суррогатными». Костыев, хотя и прожил всю жизнь в России и крепко сдружился с Жилиным, в самый ответственный момент предаёт, понимая, что ценой такого предательства может стать смерть друга. Прощение Жилина при новой встрече поистине великодушно, но когда «тихо тлевшая война вспыхивает наново», Костыев вновь поступает как «чужой», уезжая без прощания

и предупреждения. Двойное предательство детерминируется временным фактором: две войны – два предательства. Чеченец Костыев – человек другой ментальности, которая неистребима ни воспитанием, ни образованием, ни инкультурацией. Их отношения так и остались в вертикали, как отношения Жилина с Дудаевым.

### Заключение

В моделировании концепта «война» прослеживается одна тенденция: война характеризуется как явление иерархическое, где вертикаль выступает стержневой, несущей конструкцией, на которой всё держится. В романе несколько таких «иерархических» вертикалей: Базанов – Гусарцев, Жилин – Гусарцев – Руслан – Руслан-Рослик, полковники Фирсов и Фёдоров – Жилин – изнасилованный солдат Сергей и пр., причём иерархия у Маканина не прямая, т.е. независимая от армейских званий и чинов (писатель создавал роман не о войне, а о человеке в условиях войны), а косвенная, т.е. определённая логикой художественного повествования. Горизонталь же на войне воспринимается как нечто противоестественное, более подходящее для мирной жизни, поэтому с такой

лёгкостью ломаются отношения Жилина и Костыева, превращаясь в вертикаль. Истинная дружба осмысливается Маканиным как «горизонталь», но дружеские отношения Жилина и Хворостинина формально горизонтальны, потому что майор намеренно не сближается с капитаном, оставляя «горизонталь» незакреплённой.

Пространственно-временная модель концепта «война» в художественном дискурсе находится в динамическом состоянии разрушения и характеризуется апокалипсической направленностью. Искажение темпоральности ведёт к деструкции пространства, из которого постепенно выпадают составляющие мозаики: гибнет генерал Базанов, затем Рослик-Руслан, уезжает отец, Гусарцев сбегает в подмосковный госпиталь, Алик и Олег возвращаются в свою часть, умирает Жилин. Моделирование концепта «война» детерминировано прежде всего его содержанием, т.е. базовыми компонентами его семантики, образующими интерпретационное пространство.

### Библиография

1. Буракова О.М. Особенности изучения семантического поля

- «Война» // VIII Международная научно-практическая конференция «Личность-слово-социум»: сб. докладов. – Минск, 2008. – С. 146-152.
2. Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 180 с.
3. Головань О.В. Семантико-ассоциативная структура концепта «война» (на материале произведений Р. Олдингтона и В.М. Гаршина): дисс... канд. филол. наук. – 154 с.
4. Маканин В.С. Асан. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.
5. Маканин В.С. Кавказский пленный. – М.: Эксмо, 2009. – 36 с.

## **Spatial and temporal model of the concept of war in "Caucasian" prose of V. Makanin**

**Volkova Viktoriya Borisovna**

PhD (Philology), assistant professor,  
Cultural sciences and Russian language department,  
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov,  
P.O. Box 455000, Lenina st., 38, Magnitogorsk,  
Chelyabinsk region, Russia;  
e-mail: VBL2004@bk.ru

### **Abstract**

This article deals with the concept of war and methods of its modeling in "Caucasian" prose by V. Makanin. The concept, which includes variable components, has spatial and temporal characteristics allowing to develop the horizontal and vertical model of the concept. The specificity of the investigating this concept is based on "up-down" and "internal-external" oppositions and corresponds to the Russian world model with its multivariable structure. What is more, the conceptual space of the prosaic discourse reveals peculiar features conditioned by the landscape and character of the war, which determines domination of the vertical or horizontal

structure. The article discusses the vertical in relationship of characters definitely determined not by military hierarchy but personal importance of each person, and the vertical of portrayal of war symbolizing life or chance for salvation. As contrasted to the latter, the horizontal model of war reflects its absurdity and tragedy, as considered based on examples of several scenes of the novel "Asan". The temporal model of the war concept is tightly connected with the spatial one and represents a cyclical time model realizing as mixture of times – wonderful peaceful past, with stillness and tranquility, is opposed to the absurdity of war with its noise, fuss and panic. For this reason, the article also directs some attention to visual and audial motives of forming the image component of the concept of war.

### Keywords

V. S. Makanin, the "Caucasian" prose, the concept, war, modeling.

### References

1. Burakova, O.M. (2008), "The specifics of studying the semantic field "War" ["Osobennosti izuchenija semanticheskogo polja "Vojna"], *VIII International scientific and practical conference "Lichnost'-slovo-socium": collected reports*, Minsk, pp.146-152.
2. Golovan, O.V. (2003), *Semantic and associative structure of the concept "war" (based on works by R. Oldington and V.M. Garshin): dissertation* [Semantiko-associativnaja struktura koncepta "vojna" (na materiale proizvedenij R. Oldingtona i V.M. Garshina): dissertatsia], Barnaul, 154 p.
3. Makanin, V.S. (2008), *Asan* [Asan], Moscow, 480 p.
4. Makanin, V.S. (2009), *The Caucasian prisoner* [Kavkazskij plennyj], Moscow, 36 p.
5. Venediktova, L.H. (2004), *The concept "war" in the linguistic worldview: dissertation* [Koncept "vojna" v jazykovej kartine mira: dissertatsia], Tyumen, 180 p.